

ЛЕГЕНДАРНЫЕ РАДИМИЧИ: КТО ОНИ?

Изучение исторического прошлого белорусского народа сталкивается с определенными трудностями, которые связаны с тем, что кроме летописных известий основным источником по истории, например, расселения, занятий восточных славян являются археологические древности. Эти вопросы были предметом изучения археологов Б. Рыбакова, В. Седова, Г. Штыхова, П. Лысенко, Э. Загорюльского и др. В числе важнейших задач, над решением которых они работали, было обоснование концепции происхождения и этимологии названия «радимичи». Цель статьи – выяснить происхождение имени «радимичи», выявить факторы, подтверждающие историческое единство белорусского народа.

Николай Смахович,
завцентром истории
Беларуси конца
XVIII–XXI вв. Института
истории НАН Беларуси,
доктор исторических
наук, доцент

Вслед за повествованием о том, как сыновья Ноя разделили землю, рассказа, от кого из них произошли все славянские народы, указания, в каких географических регионах они расселились, летописец «Повести временных лет» (ПВЛ) начал излагать историю расселения отдельных восточнославянских сообществ: «...а друзии седоша межю Припечью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речьки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане» [1, с. 26]. В новелле, поясняющей суть родовых имен, сообщается: «...радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в ляхех, – Радим, а другой Вятко, – и пришедъша седоста Радимъ на Съжю, и прозвашася радимичи»

[1, с. 28]. Эти сообщения стали отправной точкой в изучении истории становления государственности у восточных славян.

ПВЛ содержит скудные сведения о радимичах. Еще в 882 г. новгородский князь Олег из рода Рюрика, собрав большое войско, двинулся на юг и по дороге подошел к Смоленску. Поскольку последний принадлежал полоцким кривичам, которые в 862 г. участвовали в призвании Рюрика на княжение, ключи от города вручили Олегу добровольно: «...И приде къ Смоленску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужъ свои» [1, с. 32]. Полагаю, что от смоленских кривичей Олег узнал о радимичах, в 882 г. он захватил Киев и сказал широко известное: «Се буди мати градомъ русьскимъ» [1, с. 33].

В связи с этим необходимо внести ясность в вопрос происхождения понятия «мать городов». Ибо, повторяя это изречение, многие не задумываются и не знают, что его в уста варяжского князя летописец «вложил» по собственной инициативе. Он получил образование в Константинополе, где в 1044 г. начал функционировать первый европейский университет, изучалась античная литература, в том числе историография. Поэтому автор ПВЛ знал произведения римского историка Тацита, в «Анналах» которого есть описание «состязания одиннадцати городов» Азии за право построить у себя храм императора Тиберия. Сенатская комиссия рассматривала и оценивала аргументы претендентов. «И даже жители Илиона, заявившие, что Троя – мать Рима, не располагали ничем, кроме издревле утвердившейся за их городом Славы» [2, IV, 55], – сообщает Тацит. Руководство Илиона считало, что их довод будет достаточно весомым в споре с другими претендентами, поэтому приняло решение участвовать в состязании. Ведь слава – вечна!

И что же мы видим? Летописец «вложил» античный афоризм в уста варяжского князя Олега, другими словами, он сказал, что с этого времени Киев является княжеской резиденцией, по выражению летописца, городом стольным (правительственной столицей). Отмечу, что в ПВЛ княжеский трон или престол именовался просто «столом». Иногда в литературе, когда речь заходила о княжеской резиденции, употреблялось выражение «первопрестольная». Конечно, летописец был далек от учета филологических тонкостей, поэтому город Киев (род мужской) у него стал «матерью» городов русских.

Полагаю, что по совету смоленских кривичей в 885 г. Олег снарядил небольшой отряд своих представителей к князю радимичей с вопросом: «Кому даете дань?» Те же отвечали: «Хазарам». Тогда им было предложено платить дань в Киев, на что радимичи согласились. Дань была достаточно тяжелая – по одному «щелягу», или мелкой серебряной монете, «от плуга» (хозяйского двора). С местного населения ее собирали представители радимичского князя и отвозили на пункты сбора, где деньги принимали киевские посланники. Понятно, для того, чтобы каждый хозяин «плуга» мог выплачивать дань, местное население должно было иметь широкие возможности приобретения денежной наличности (как правило, это были деньги византийского производства) путем участия в торгово-денежных отношениях, продажи на торжищах своей продукции: пушнины, выделанной кожи, воска, меда, рыбы, изделий городского и сельского ремесленного производства, а также большого числа рабов.

Безусловно, развитие городского хозяйства и товарно-денежных операций происходили в условиях устойчивого функционирования государственности. Отметим, что еще в 1920-х гг. М. Довнар-Запольский писал: «Вероятно, у радимичей было свое обособленное княжение, потому что это племя оказало сопротивление захватническим стремлениям первых киевских князей, имело своего предводителя и племенную организацию» [3, с. 32]. Подчинение радимичей князю Олегу было добровольным, поэтому, когда его не стало, как и древляне, радимичи не признали власть князя Игоря, обрели свободу и перестали платить дань. Их отрядов не было ни в войске

князя Игоря, ни в войске князя Святослава. В условиях свободы и собственной государственности радимичи прожили без малого 72 года. Но когда в 980 г. власть в Киеве, убив Ярополка – своего старшего единоутробного брата, захватил внебрачный сын Святослава Владимир, в 984 г. он пошел войной на радимичей, которые потерпели поражение. Описывая деяния Владимира, летописец еще раз упомянул, что «Быша же радимичи от рода ляховъ; прешедъше ту ся вселиша, платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне» [1, с. 57]. Учитывая, что, по мнению киевского летописца, радимичи были «от рода ляховъ», в летописи им уделено очень мало внимания.

Данное обстоятельство не давало возможности широкого изучения всех сторон жизни этого славянского рода. В свою очередь, иллюстративно-опытным материалом, позволяющим вести речь большей частью о хозяйственной жизни радимичей, служили археологические артефакты. Вместе с тем их исследования как страдали, так и до сих пор страдают недостатком концептуальности. Еще в 1982 г. отечественные археологи приняли на вооружение балтскую концепцию В. Седова, базирующуюся, с одной стороны, на том, что определенные типы артефактов наделены статусом своеобразных «этнических документов», с другой – она выстроена без учета достижений современной науки, в частности генетики.

«Археологическая наука в решении этнических вопросов славянских племен имеет такие надежные критерии, как тип жилища, особенности погребального обряда, характерные этнические украшения. В решении вопросов об этнической принадлежности той или иной терри-

тории первостепенное значение имеют также исследования курганных могильников. Содержащиеся в составе погребального инвентаря характерные этнические украшения свидетельствуют об этносе погребенного» [4, с. 11], – отмечал ученик и последователь В. Седова, выдающийся белорусский археолог П. Ф. Лысенко. По его мнению, «основным аргументом в решении вопроса об этническом характере летописных племен явились археологические материалы, выявив-

шие локальный устойчивый тип женских украшений и погребального обряда соответственно районам расселения летописных племен» [4, с. 11]. Для радимичей таким «документом» послужили «радимицкие гривны», которые были «одним из любимых женских украшений», но имели особые отметки, отличавшие их от гривен других славянских родов [5, с. 90].

Конечно, в процессе раскопок курганных могильников размежевать по этническому признаку

найденные артефакты непросто, поскольку зачастую они очень разнородны, что указывает на особенности захоронений, но не позволяет сделать однозначных выводов. После Б. Рыбакова раскопками и изучением радимичских погребений занимались и другие исследователи, в том числе В. Седов. Он писал: «Встреченные в радимичских курганах звездообразные (лучистые) пряжки обнаруживают балтское происхождение. Они в большом количестве найдены в Латвии. <...> Однако радимицские находки не идентичны латгальским, что исключает проникновение их в Посожье в результате торговых сношений. Видимо, не существовало единого центра производства звездообразных пряжек. Распространение этих предметов в славянских курганах скорее всего обусловлено балтским субстратом. <...> Радимицская курганная культура в Посожье сложилась в результате синтеза культуры славян-пришельцев с культурой предшествующего населения» [6, с. 156–157].

Следовательно, в соответствии с разработками советских археологов, идея этнокультурного синтеза легла в основу балтской концепции происхождения радимичей, и не только их, но и всего белорусского народа.

Вместе с тем не все советские исследователи восприняли балтскую концепцию, некоторые выдвинули идею автохтонности радимичей. «Более вероятным кажется, что радимичи ниоткуда не «приходили» и были <...> аборигентами Посожья! <...> Археологический материал позволяет предполагать, что местное дославянское население оформилось в начале нашей эры при участии зарубинецких племен и, судя по гидронимии Посожья, могло быть

Миниатюра из Радзивилловской летописи, конец XV в., первое упоминание о радимичах около 885 г.

носителем диалекта голядско-ятвяжского типа. <...> Таким образом, факты подсказывают, что своеобразие генезиса радимичей как славяноязычной этнографической группы (в отличие, скажем, от генезиса северян) заключается в том, что это – славянизированные автохтоны Посожья, а не результат смешения аборигенов (балтоязычных?) со славянами» [7, с. 143–144].

Как видим, единства исследовательских мнений по вопросу о типологии археологических артефактов, найденных в курганных могильниках радимичей, не наблюдается. Нет единства и в подходах к объяснению истории этногенеза белорусского народа. Чего не скажешь о так называемой «проблеме ляхскости радимичей», которая историкам долгое время тоже создавала определенные трудности. Дело в том, что, указав на ляхское происхождение Радима, летописец исключил радимичей из числа родов, говорящих по-славянски: «Се бо токмо словенскъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, северъ, бужане, зане седоша по Бугу, после же вельняне» [1, с. 27–28]. В этой новелле среди родов, отнесенных к Руси, нет радимичей. Б. Рыбаков показал, что, начиная от Яна Длугаша, автора многотомной истории Польши в ее католической версии, польские авторы, вслед за летописным сообщением, чего только ни придумывали, пытаясь «доказать» ляхскость радимичей и вятичей.

Отметим, что в свое время Е. Карский – широко известный филолог-славист и этнограф, автор 3-томного издания «Белорусы», авторитетный специалист, хорошо изучивший особенности белорусского языка, считал теорию ляхскости радимичей несо-

стоятельной. В целом для отечественной историографии его мнение, а также вердикт Б. Рыбакова о том, что «польское («от ляхов») происхождение радимичей и вятичей ничем не подтверждено» [8, с. 122], являются окончательными и сомнению не подлежат.

И никакими исследованиями подтвердить этот летописный миф невозможно. Дело в том, что многие годы польские ученые, и прежде всего археологи, пытались доказать, что город Брест (Берестье), расположенный на историческом порубежье, основали ляхские родовые группы. Изучение исторического Бреста, археологических материалов этого памятника позволили П. Ф. Лысенко поставить окончательную точку в историографическом споре и похоронить территориальные притязания польской стороны. Ибо он доказал, что Брест основал (и в раннем средневековье город ему принадлежал) восточнославянский род, который в летописи именован дреговичи.

В целом же большинство археологов, придерживаясь тезиса о преимущественно мирном, ненасильственном расселении восточных славян, следовало концепции В. Седова. Но такой подход, на наш взгляд, противоречил исторической действительности второй половины I тыс. н.э. Ибо причиной продвижения славян на Восток была агрессия германцев. «Ко времени же начала своего широкого расселения в середине I тыс. н.э. славяне могли испытывать давление с запада, со стороны германских племен» [9, с. 196]. Врагами славян были не только германцы, агрессия волохов привела к тому, что часть славян бежала на Вислу, с этого времени они стали прозываться ляхами. Вот что по этому вопросу сообщает ПВЛ: «Воло-

хомъ бо нашедшемъ на словени на дунайския, и седшемъ в них и насилящемъ имъ, словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове» [1, с. 25].

Нам представляется, что в отношении автохтонного населения восточные славяне выступали завоевателями, а не мирными колонизаторами. В процессе освоения новых территорий вопрос привлечения дополнительной рабочей силы для восточнославянских сообществ был жизненно важным. В итоге аборигенное балтское население, обитавшее на территории Восточной Европы, попадало в рабство. Такое явление было характерным не только для VIII в., но и IX–XI вв. В 980 г. Владимир Новгородский после захвата Полоцка почти всех его жителей превратил в рабов, в 1067 г. в Менске князья Ярославичи (Изяслав, Святослав и Всеволод) «сувокупивше вои, идоша на Всеслава, <...>. И придоша ко Меньску, и меняне затворишася в граде. Си же братья взяша Меньскъ, и исекоша муже, а жены и дети вдаша на щиты» [1, с. 84], то есть захватчики истребили всех мужчин, а женщин и детей угнали в рабство. Город был уничтожен.

Отметим, что проблема рабства получила достаточно широкую историографию (см: труды М. Погодина, С. Соловьева, В. Ключевского, М. Довнар-Запольского, М. Любавского, М. Грушевского, С. Юшкова, Б. Грекова, С. Бахрушина, В. Мавродина, В. Горемыкиной, А. Пьянкова, Г. Штыхова и др.). Одни участники дискуссии полагали, что в VIII–XII вв. в восточнославянских княжествах рабство получило довольно широкое распространение, другие говорили о том, что его основным источником был плен.

В период колонизации новых территорий славянские при-

шельцы презирали местных дикарей, которые не строили городов, поэтому результатом военнo-захватнических операций стало не только порабощение местного населения, в том числе посредством патриархального рабства, но и отсутствие брачных союзов с балтами. Вследствие этого не происходило массового кровосмешения восточных славян с автохтонами. Этот вывод подтвержден белорусскими генетиками. «Целью настоящего исследования является выявление особенностей генетической структуры популяции современных белорусов на основании анализа полиморфизма мтДНК и нерекombинирующегося региона Y-хромосомы, реконструкция генетической истории белорусов как одного из восточноевропейских народов» [10, с. 2], – отмечается в диссертации Е.И. Кушнеревич. Полученные данные позволили ей выделить отдельные регионы: юг Беларуси (восточное и западное Полесье), север (Подвинье) и Поднепровье. «Наличие финно-угорского компонента (субгаплогруппы N3 Y-хромосомы) с частотой 9,6% в популяции белорусов указывает на их генетическое родство с популяцией прибалтийского региона. Но, поскольку частота гаплогруппы №3 у белорусов существенно ниже по сравнению с таковой у латышей и литовцев ($p < 0,0001$), то, по нашему мнению, не следует рассматривать финно-угорский компонент как прямое подтверждение «балтской» гипотезы происхождения белорусского этноса. <...> Объяснение этногенеза белорусов славяно-балтским синтезом (Седов, 1982), исходя из полученных нами данных, не является обоснованным» [10, с. 2–14]. Согласно исследованиям Е.И. Кушнеревич, они гене-

тически наиболее близки русским и украинцам, проживающим на соседствующих ареалах. Это значит, что современные белорусы являются прямыми потомками восточных славян, расселившихся на наших землях. Отметим, что исследования литовских генетиков подтвердили верность выводов белорусских специалистов.

Но, с другой стороны, это означает, что ни балтская теория В. Седова, ни автохтонная концепция известного российского советского лингвиста, доктора филологических наук, автора трудов по истории восточнославянских языков Г. Хабургаева не отражали реальности исторического процесса, связанного с расселением и колонизацией восточными славянами новых регионов.

Кроме того, основываясь на результатах исследований генетиков, многолетних разработках археологов, можно концептуально утверждать, что летописное деление восточных славян на дреговичей, кривичей и радимичей являлось литературно-предположительным. Летописные прозвища – это не эндоэтнонимы, и таковыми они не были. В исторических источниках нет свидетельств, что местное население Подвинья называло себя «кривичами», Полесья – «дреговичами», Посожья – «радимичами». Более того, никем не установлено, в силу каких причин (климатические, географические, экономические, социально-политические) произошло такое деление. Побудительную причину можно установить, если принять во внимание не конкретно-историческую, а религиозно-мифологическую картину мира, типичную для ПВЛ, в том числе периода восточнославянского расселения. Например, уже во вводной части летописи автор по библейскому при-

меру разделил восточнославянское этническое сообщество на 12 колен или родов, в том числе раннее белорусское – на 3 колена: кривичи, дреговичи и радимичи, которые, согласно утвердившейся историографической концепции, вместе с иными впоследствии образовали древнерусскую народность. И через столетия она «породила» три нации: русских, белорусов и украинцев. Складывается впечатление, что какая-то неведомая для нас внешняя сила как бы руководила сначала процессом разделения, затем – объединения и вновь разъединения, что противоречит сути исторического процесса, ибо отрицает преемственность поколений.

Полагаю, что более обоснованным является тезис, что в VI–XII вв. на территории Беларуси расселился и жил единый этнос (народ), имевший некоторое разнообразие тех или иных натальных украшений, строений, предметов быта и т.д. Такое разнообразие наличествует и в бытии современных белорусов, но никто этому не удивляется. Как полагает И.А. Марзалюк, «этнические сообщества кривичей, радимичей и дреговичей, как нам кажется, наиболее корректно называть этникосами (этносами в узком смысле слова)» [11, с. 29]. Думается, что, исходя из результатов исследований белорусских генетиков, кривичи, радимичи и дреговичи – это не три отдельные этнические объединения, а, без преувеличения, единый народ, разделенный не историей, а летописным преданием. Отметим и тот факт, что основные тезисы балтской концепции весьма живучи. В первом томе «Гісторыі Беларусі» утверждается, что «У выніку славяно-балцкага сінтэзу ў IX–X стст. у Верхнім Подзвінні і Падняпроўі

сфарміраваліся новыя ўсходнеславянскія этнічныя супольнасці (протанароднасці), якія названы ў пісьмовых крыніцах. У культуры і мове крывічоў-палачан, дрыгавічоў, радзімічаў перапляліся славянскія і балцкія элементы. Гэта былі якасна новыя прабеларускія ўтварэнні» [15, с. 325]. Вполне очевидно, что современная белорусская историография не может транслировать постулаты устаревшей балтской концепции, необходим инновационный взгляд на историю белорусской государственности IX–XIII вв.

Этимология имени «радимичи»

Такой же подход необходим, когда рассматривается этимология имени «радимичи». Как отмечал Б. Рыбаков, российские историки выдвигали разные версии: одни полагали, что радимичи верили в своего праотца Радима, другие говорили, что свое наречение они получили от названия местности или места (городища) первоначального расселения [8, с. 127–128].

Известный белорусский исследователь М. Пилипенко высказывал такое предположение: «Название радимичи (как и дреговичи), вероятно, балто-славянское. Его основа – балтская, а окончание славянское. Наибольшую близость термин «радимичи» обнаруживает с балтскими (литовскими) терминами *radimas* – нахождение, *radimviete* – местонахождение. У них общая основа (радим), различаются только окончания. <...> Можно предположить, что термин «радимичи» образован от исторически более раннего названия балтской этнической общности, которая была славянизирована

к IX–X векам. <...> Очевидно, в формировании радимичей принимала участие большая группа балтов. Балтский субстрат у радимичей выражен сильнее», чем в культуре дреговичей [12, с. 34–35].

В соответствии с концептуальным положением М. Пилипенко, процесс расселения восточных славян протекал примерно в таком направлении. Когда их вооруженные отряды в VII–VIII вв. прибывали в регион Посожья, Десны и Верхнего Поднепровья, они встретили дружелюбных балтов, которые, не зная государственности, толпами ютились в примитивных «лачугах». Когда же славяне спрашивали у них: «Как называется местность, куда мы пришли?» – те отвечали: «Местность, где мы живем и куда вы пришли, называется *radimas*, *radimviete*. «А, так значит вы радимичи», – удивлялись пришельцы. И от смоленских кривичей киевляне узнали о радимичах, о чем и поведал летописец.

Однако эта историографическая версия опровергнута отмеченными исследованиями белорусских генетиков. Ибо никакого генетического или иного этнокультурного синтеза между балтами и славянами не произошло. В догосударственный период в среде аборигенных балтов вряд ли бытовало понятие «родина». С другой стороны, нельзя исключить, что литовцы от славян заимствовали термин «Радзіма», который в форме «*radimas*» и стал для них «местом жительства».

Для того чтобы рассмотреть вопрос этимологии этого слова, следует уяснить, какие известия и от кого могли знать в Киеве, где писалась летопись, о Полоцкой земле, земле далекого Севера. Киевский клир располагал сведениями, что после

принятия христианства многие славяне еще культивировали дохристианские традиции, особенно связанные с культом бога Рода, и именовали свою землю «Радзімай». На территории Полоцкой земли в XI–XIII вв. святилища такого типа продолжали функционировать. Отметим, что приверженность восточных славян вере своих отцов давала о себе знать, ввиду чего христианская церковь была вынуждена приспособлять свои праздники и обряды к языческому календарю. Киевляне знали об этом от самих полочан. Продолжая начатый разговор о событиях 1067 г., напомним читателю, что после битвы на Немиге, которая состоялась 3 марта 1067 г. и в которой Всеслав потерпел поражение, победители во главе с киевским князем Изяславом, поклявшись на Библии, пригласили Всеслава Брячиславича на переговоры. Но переговоры были обманом, Всеслава схватили, разоружили прибывшую с ним дружину, всех доставили в Киев. Всеслава посадили в тюрьму, которая в летописи названа «порубом» (погребом), а дружина под охраной была размещена в казарменном помещении, расположенном неподалеку от поруба. 15 сентября 1068 г. в Киеве против князя Изяслава, который на реке Альте был разбит половцами, вспыхнуло восстание. Для защиты города киевляне требовали от князя оружие и лошадей, но получили отказ. Тогда они собрали вече, на котором решили освободить из тюрьмы полоцкого князя Всеслава и вручить ему княжеский трон.

Анализируя ход восстания, российский советский археолог Л. Алексеев говорит, что необходимо обратить внимание на роль полочан в этом событии. Летопись сообщает, что в начале вос-

стания горожане собрались у двора Брячислава, где начали рассуждать, что же делать далее, а затем с криком «Пойдем, освободим дружину свою из темницы» [13, с. 188] разделились, часть из них пошла к темнице, другая половина направилась по мосту на княжий двор, которым «здесь, по-видимому, называли торговое подворье полоцких князей, отстроенное Брячиславом Изяславичем в первой половине XI в., очевидно, после примирения с Изяславом (1021 г.). <...> Этот князь отстроил в Киеве, на пути в Византию, свой двор, свою «контуру» <...>. Итак, восставшие киевляне направились к Брячиславову двору не случайно. Здесь сосредоточивались лица не киевского происхождения, вынесшие на своих плечах годовое хозяйничанье изяславовых ставленников в Полоцкой земле в период пленения Всеслава Брячиславича. Очевидно, этим людям и принадлежал первый клич: «Поидем, высадим дружину свою ис погребца» [1, с. 85; 13, с. 246–247].

Вечевое решение было исполнено. Изяслав бежал из города, направился к польскому королю, его двор был разграблен. Как сообщает летопись, восставшие захватили «много золота и серебра в монетах и слитках», но немало этих ценностей в княжеских закромах осталось. Всеслав княжил в Киеве 7 месяцев, но и в порубе, и во время княжения жил с думой о возвращении на Радзіму. Рассматривая эти исторические факты, следует сказать, что, бесспорно, Всеслав чувствовал ответственность за гибель Менска, разорение других городищ и селищ, расположенных на территории Полоцкого княжения. Поэтому не исключено, что по его приказу предпринимались определенные усилия по восстанов-

лению разрушенных поселений, прежде всего Менска.

Кого же Всеслав посылал на восстановление своей земли? Конечно же, людей из числа купцов и дружинников, в том числе родом из Менска. Как никто другой, они были заинтересованы в восстановлении родного города. Вероятно, что после этого киевляне спрашивали всеславовых дружинников и купцов: «Куда путь держите?», те же отвечали: «Дамоў, на Радзіму!» Вместе с тем общались горожане и с воинами польского короля Болеслава, которых в мае 1069 г. привел изгнанный киевлянами в 1068 г. Изяслав. Наиболее активные участники восстания были казнены, менее активных по традиции того времени ослепили. Ляхов «на прокорм» разместили по дворам киевлян, поэтому еще долго в Киеве слышали ляхский говор. По-видимому, жители, и особенно клир, воспринимали некоторые уже в те времена «прорезавшиеся» особенности речи представителей Полоцкой земли проявлениями незнакомого им говора, в некоторых словах созвучного ляхскому. В итоге получилось, что киевский летописец, для которого события 1068 г. были не таким уж «далеким прошлым», создавая «Повесть» в полном соответствии с библейским канонам, придумал предводителя Радима, от которого якобы и пошли радимичи. Вполне возможно, что в исторической действительности раннего Средневековья это одна из восточнославянских групп, отделившаяся от полочан и поселившаяся в Поднепровье и Посожье. Данное предположение опирается на упомянутую летописную новеллу, где говорится, что град Смоленск основан полоцкими кривичами.

Необходимо принять во внимание и другое. Как уже отмечалось, восточные славяне почитали бога Рода, которому в языческом пантеоне отводилась особая роль. «Род был верховным божеством неба и земли, распоряжавшимся всеми жизненно необходимыми стихиями – солнцем, дождями, грозами, водой. Вера в единого верховного бога явилась основой позднейшего христианского монотеизма. <...> День Рода-Перуна (Ильин день – 20 июля) был самым мрачным и самым трагическим днем во всем годовом цикле славянских молебний. В этот день не водили хороводов, не пели песен, а приносили кровавые жертвы грозному и требовательному божеству, прямому предшественнику столь же жестокого христианского бога» [8, с. 289–291].

У славян еще в период матриархата именно Род считался прародителем и объединял все поколения единого «народа», то есть людей, происходивших от прародителя, а понятие «родина-родня» изначально объединяло всех свояков-родственников. На протяжении столетий у белорусов понятие «Радзіма» было архетипом коллективного бессознательного. Вспомним творчество М.К. Огинского – отпрыска старинного княжеского рода, происходившего из белорусской земли, политического деятеля Речи Посполитой и Российской империи, композитора, автора знаменитого полонеза «Развітанне з Радзімай». Дореволюционная российская историография, как и Россия вообще, понятия «Родина» не знали, в ходу были понятия «Отечество», «сыны Отечества» и т.д. Отметим, что среди литераторов встречаются порой самые причудливые подходы к осмыслению некоторых исторических понятий,

например: «Рассматривая понятие «народ», можно понимать его как «на-ра-да», что определяется или как «данное солнцем согласие», или «отданное солнцу согласие», или, что то же самое, «обязанность солнцу» – наряд» [14, с. 512].

Свою волю Род являл через своего посланника – громовежца Перуна, который наказывал тех, кто противился или должным образом не исполнял волю Рода. В честь этих божеств выстраивались родовые храмы-капища, в них совершались многие обряды, в том числе и прежде всего брачные, для чего в центре каждого святилища размещались особо почитаемые сакралы Рода – фаллические символы, а на ветвях храмовых деревьев молодые пары, обозначая верность Роду и надеясь на рождение детей, развешивали разноцветные лоскутки ткани, которые символизировали детские пелены. Кроме Перуна посланниками Рода были рожаницы – богини плодородия, дающие жизнь всему существу, после 988 г. их культ перешел к культуре Богородицы. В период патриархата поклонение Роду привело к широкому распространению среди восточных славян многоженства. Летописец ПВЛ поведал, что древяне, кривичи, радимичи, вятичи и до начала XII в. «имяху же по две и по три жены» [1, с. 28–29]. В свою очередь институт многоженства выступал инструментом выстраивания прочных родовых связей. Правящий в роду князь за верную службу и особое отличие своих дружинников-мужей в период военных походов вместо золотых венков, других знаков отличия, свойственных древнему Риму, выдавал за них одну из женщин своего «гарема», наделял молодые семьи земельными владениями, в

результате формировались институт «ближних мужей», родовое боярство и ближняя дружина правителя.

Это был весьма привлекательный и действенный институт награждения выдающихся воинов. И было немало желающих попасть в княжеский реестр. Летопись сообщает, что после захвата Киева Владимир Новгородский завел пять жен (принцесса Рогнеда из Полоцка, имена девиц из Греции, Чехии, Болгарии и местной девушки остались неизвестными), «а наложьницъ бе у него 300 Вышгороде, а 300 в Белегороде, а 200 на Берестове в сельци, еже зовутъ ныне Берестовое» [1, с. 55]. До принятия христианства такие же наградные «гаремы» были практически у всех восточнославянских князей.

В условиях массового многоженства одним из основных божеств, культ которого почитался особо, был Род. Отметим, что капища, посвященные ему, на территории Беларуси в стороне от человеческих глаз существовали вплоть до середины XIX века. Поэтому весьма знаменательно и символично, что на протяжении многих столетий население белорусского Полесья, Подвинья, Посожья и верхнего Поднепровья именовали свою землю-государство «Радзімай», а свое общее родовое единство – народом, почитая эти сакральные символы.

Таким образом, можно заключить, что балтская концепция советского археолога В. Седова не отражала реальности исторического процесса, связанного с расселением на новых территориях восточных славян. В VI–VIII вв. в отношении местного балтского населения они выступали завоевателями. В VI–XII вв. на территории Беларуси

расселился и жил единый этнос (народ), который практиковал некоторое разнообразие тех или иных украшений, строений и т.д. Восточнославянский род радимичей не имел никакого отношения ни к ляхам, ни к мифическому предводителю Радиму. Славяне, поселившиеся в Посожье, свое летописное имя получили благодаря особенностям местного наречия, которые начали проявляться уже в XI – начале XII вв. Радимичи – дети, сыновья своей матери – «Радзімы». ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Повесть временных лет // Повести Древней Руси. XI–XII века / Лениздат. 1983.
2. Тацит К. Анналы // соч. в 2-х т. Отв. ред. С.А. Утченко. – Л., 1969. – Т. 1 (указаны главы и разделы).
3. Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Минск, 2011.
4. Лысенко П.Ф. Дреговичи / П.Ф. Лысенко. – Минск, 1991.
5. Рыбакоў, Б.А. Радзімічы // Працы секцыі археалёгіі / Б.А. Рыбакоў. – Менск: 1932. – Том III.
6. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В.В. Седов. – М., 1982.
7. Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» / Г.А. Хабургаев. – М., 1979.
8. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности / Б.А. Рыбаков. – М., 2014.
9. Загоруйский Э.М. Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси / Э.М. Загоруйский. – Минск, 2012.
10. Кушнеревич Е.И. Полиморфизм нуклеотидных последовательностей митохондриальной ДНК Y-хромосомы современного коренного населения Беларуси: автореф. дис. ... канд. биол. наук: 03. 00. 26 / Елена Ивановна Кушнеревич; Институт генетики и цитологии НАН Беларуси. – Минск, 2008.
11. Марзаяк І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфэсійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) / І.А. Марзаяк. – Магілёў, 2003.
12. Пилипенко М.Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция / М.Ф. Пилипенко. – Минск, 1991.
13. Алексеев Л.В. Полоцкая земля (очерки истории северной Белоруссии) в IX–XIII вв. / Л.В. Алексеев. – М., 1996.
14. Пьянов В.И. Материнская семья и вера славян / В.А. Пьянов. – М., 2022.
15. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 1 / Рэдкал.: М.П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007.